

Фёдор ЯГУНОВ

ПОЭТ, НЕ ВЕРНУВШИЙСЯ С ВОЙНЫ

Пытаюсь себе объяснить, почему по прошествии почти семидесяти лет с того дня, когда в сражении на Курской дуге поэт и воин, наш земляк Владимир Чугунов в последний раз поднял в атаку свой взвод – в атаку, из которой он живым не вернулся, почему на его родине, в Кузбассе, так и не вышла книжка его стихов? То, что это был несомненный талант, доказывают посмертные публикации его стихов, в том числе – и в известном московском издании «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне», где его имя соседствует с такими именами, как Муса Джалиль, Михаил Кульчицкий («Не до ордена / Была бы Родина...»), Павел Коган – автор знаменитой и по сей день «Бригантины».

Почти пятьдесят лет, как в Кемерове действует отделение Союза писателей России работают разные издательства.

Ну да, Владимир Чугунов еще перед войной уехал вслед за своей любовью – актрисой театра оперы и балета имени Абая Марией Чугуновой-Гришиной, в Алма-Ату. И призван на фронт был не из Кузбасса. И имя его не в кузбасской, а в алма-атинской «Книге Памяти». Всё так.

Но становление его как поэта произошло в Кузбассе – на шахте и в газете «Борьба за уголь» города Анжеро-Судженска. И стихи, которые он писал, даже живя в Казахстане, были о Кузбассе: «Шумно гонит воды Яя. / Дикий камень, тальники. / И журчат, в неё впадая, / Три таёжные реки...»

Из биографической справки: «Владимир Михайлович Чугунов родился в 1911 году в семье железнодорожного врача на станции Иланской. Шести лет остался без отца. Детство было трудное. Школу пришлось бросить. Владимир поступает на одну из шахт Анжеро-Судженска. Был коногоном, потом забойщиком. Окончив в 1930 году Анжерское горно-промышленное училище, стал машинистом врубовой машины. Потом его пригласили в городскую газету...»

Но еще задолго до этого его стихи, написанные для себя, для своих друзей, растекались по молодёжным рукописным альбомам. Было такое, теперь забытое, увлечение. Парни и девчата заводили особые тетради, куда

их друзья вписывали «на память» стихи (не обязательно свои), какие-то значительные слова, делали рисунки... У части зрителей была популярна телевизионная передача «В нашу гавань заходили корабли», бытует такое понятие «дворовая песня» как альтернатива официальной, профессиональной песне. Тогда были «альбомы», в них можно было встретить стихи Надсона, Сергея Есенина (книги его не печатались). В таком вот альбоме в военном, кажется, 1943 году, я и увидел стихи, подписанные «Вл. Чугунов». Стихотворение, остановившее моё внимание, называлось «Последний запев Сербиянки» («Сербиянка» – популярный тогда у молодежи танец).

*Ты осталась на шумной вечеринке,
Грянули гармоники, и вновь –
На высоком каблуке ботинки,
Воротник, голубенький от синьки,
Губы, как на алой ране кровь.
В пляс ушла, заламывая руки,
С кем плясала, другу расскажи...*

На этом месте стихи обрывались, дальше – листы были потеряны. Я огорчился. В мой газетный очерк вошли только эти уцелевшие строки. Как же я был удивлен, когда в очередном письме из Израиля, где живет теперь мой друг Гриша Грумберг, я вдруг прочел: «Спасибо тебе за статью о В. Чугунове (видно, я послал тогда ему вырезку из газеты. – Ф. Я.). И потому что мне тоже дорога память о нём. Уже и пятьдесят лет минуло со времени встречи с его стихами, а я всё еще при случае вспоминаю ту, «оставшуюся на шумной вечеринке», и то, как «по садам, как кровь, течет малина», и, кажется, что всю жизнь я любил ту, что «в пляс ушла, заламывая руки...» И потому, что статья хорошая – с любовью, с драматургией, мыслью и романтикой. Узнаю в этом тебя, которого люблю еще больше лет, чем поэта...». И так далее.

С Гришей мы познакомились и подружились в войну, когда он был в Кемерове, в эвакуации. Мы работали с ним на разных военных заводах и ходили в один

драмкружок. После войны он возвратился в Харьков. Учился. Много лет был художественным руководителем Харьковской филармонии. Теперь он известный в Израиле театральный режиссёр, бессменный постановщик ежегодных праздничных концертов в честь Дня Победы в Тель-Авиве. Меня поразило, что он до сих пор помнит чугуновскую «Сербиянку», что прислал мне её текст, восстановленный по памяти:

Расстались мы (так я помню. – Ф. Я.) на шумной вечеринке

.....

*С кем плясала, другу расскажи.
У парней в кармане, словно шуки,
Спали острые зубастые ножи.
И огни зелёные в глазах их,*

*Над глазами складки глубоки.
Ходят рядом с парнями девахи,
Заправляют им, шутя, рубахи
И за финские берутся черенки.*

*Знался я с компаниями блатными
И бывал на вечеринках тех,
Сквозь вино смотрел глазами злыми
Полупьяный и ревнивый смех...*

*Но в твою любовь, теряя веру,
Я ушел, по-прежнему любя,
И с каким восторгом вот теперь я
Встретил в этом городе тебя!*

*Где тот парень, бравады запевала,
Видно, парня погубила страсть...
Ты припомни только, как бывало
Двух парнишек в вечер целовала,
Третьему случайно отдалась.*

*А теперь, приглашенная ветром
И зенитным мечена лучом,
Ты идешь, студенты и поэты,
В майки физкультурников одеты,
Греют руки о твоё плечо!*

*По садам, как кровь, течет малина,
Бродит ветер, кудри теребя,
Ты сними со стенки мандолину,
Спой мне песню новую, Галина,*

*Песню, возродившую тебя.
Продолженьем этой новой песни,
По дорогам светлым бытия
Прохожу товарищ твой, ровесник,
Рядом с нами подыхает песня,
Как любовь, как молодость твоя!*

Слышал, что в Алма-Ате вскоре после войны по-смертно вышла книжка стихов Вл. Чугунова. В нашей областной библиотеке нашел восьмой номер журнала «Простор» за 1990 год, издаваемый писательской организацией Казахстана. Во вводной статье к подборке стихов Вл. Чугунова автор, известный русский писатель Юрий Домбровский, вспоминает, как познакомился с поэтом, как он выглядел тогда, как читал свои стихи.

«Широкоплечий, крупный, приземистый до мешковатости, с очень светлыми рыжими волосами, с несколько замедленной и даже, пожалуй, затрудненной, но плавной речью, он представляется мне настоящим образцом человеческой положительности...»

Для понимания поэта и всего его творчества часто бывает очень важно услышать, как он читает свои собственные стихи... Чугунов прочел мне всего несколько стихотворений, но это чтение его я помню до сих пор... Чугунов стоит, привалившись спиной к печке, и читает. Голос у него низкий, глуховатый и даже какой-то нутряной, но читает он всё-таки очень хорошо. Суховато, но точно, чётко, выразительно. И самое главное, – действительно читает свои стихи, а не поёт, как многие поэты...»

Своё введение к подборке стихов в алма-атинском журнале «Простор» Юрий Домбровский заканчивает пожеланием:

«Чугунова после его смерти издавали не раз, но писать о нём почти что не писали. Я знаю только две статьи о нём. Вернее, не статьи даже, а два введения, открывающие его посмертные сборники. Всё это, конечно, совершенно нетерпимо. Чугунова необходимо как можно скорее собрать и издать вновь. Этого требует не только одна героическая биография поэта, но наши кровные читательские интересы».

Целиком согласен в этом с автором статьи. Резануло только, что нигде не упомянуто, кто он и откуда. Похоже, русский поэт, кузбассовец Владимир Чугунов, его творческое наследие считаются теперь безраздельным достоянием суверенной Республики Казахстан.